

востокозапад / eastwest

Толерантность и способность безболезненно включать в себя заимствованные элементы рассматриваются как атрибутивные особенности русской культуры и русского языка. Сопоставление базовых положений конфуцианства с соответствующими положениями западной идеологии показывает, что различия между ними носят принципиальный характер. Культ прошлого (принцип «сяо») и положение о глубинном неравенстве людей (деление на «цзюнь-цзы» и «сяожень») в конфуцианской философии определяет идеологию архитектурно-градостроительной сферы. Несмотря на то, что многие принципы строительства были открыты в Китае задолго до их европейских аналогов, в новое и новейшее время они же сыграли тормозящую роль в развитии архитектуры региона. Сделан вывод о взаимодополнительности западного и восточного подходов. Различия в базовых положениях не только затрудняют взаимопонимание, но и формируют перспективы совместного развития.

Ключевые слова: культурология; архитектура; градостроительство; история; конфуцианство; востокзапад /

The tolerance and ability to smoothly admit borrowings are considered as attributive peculiarities of the Russian culture and the Russian language. Comparison of Confucianism's fundamentals with corresponding principles of western ideology reveals essential differences between them. The cult of the past (the principle of xiao) and the idea of deep inequality of people (division into junzi and xiaoren) in the Confucian philosophy define the ideology of the architectural and town-planning field. Despite the fact that many construction principles had been established in China long before their European counterparts, in the modern and contemporary times they have slowed down the development of architecture of the region. The article makes a conclusion on mutual complementarity of the western and eastern approaches. The differences in basic principles not only hinder mutual understanding, but also provide prospects for joint development.

Keywords: culturalology; architecture; town planning; history; Confucianism; eastwest

Сплошные вопросы К проблеме межкультурного взаимодействия Востока и Запада /

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Философ и визионер Рудольф Штайнер, основатель вальдорфской педагогики, рекомендовал изучать в школах не меньше двух иностранных языков, причем один из них – русский. Особое внимание к русскому языку обосновывалось уникальной его способностью впитывать в себя элементы других наречий – как западных, так и восточных.

Действительно, уже образование русского языка на фоне многочисленных славянских диалектов тесно связано с крещением Руси и мощным культурным влиянием Византии. Вместе с православным христианством русская культура впитала множество ярких образцов византизма, а русский язык – множество слов с греческими и латинскими корнями. Особенно много таковых в области философии, теологии, парадно-торжественных речениях. Парадокс заключается в том, что Византия много веков оставалась военным и политическим соперником растущей Киевской Руси, объектом грабительских набегов русских князей в их стремлении «прибить свой щит на врата Цареграда».

Противостояние с Османской империей и многочисленные русско-турецкие войны сопровождалось заимствованиями из тюркских языков. Многие слова ирано-тюркского происхождения уже совсем «обрусели», особенно потому, что относятся они к бытовой, повседневной реальности. Такие слова, как «кирпич», «сарфан», «кулак», «товар» (и его производное, культурное слово советского периода «товарищ») пришли в русский язык в XIII–XVII веках, да так и прижились.

Соперничество со шведами и голландцами в эпоху преобразований «от Петра Первого до Екатерины Второй» сопровождалось бурным потоком германизмов, хлынувшим в сферы военного дела, металлургии и металлообработки, кораблестроения, минералогии и химии. «Солдат», «штраф», «маршрут», «слесарь», «шлифовать» и так далее – все это более или менее русифицированные германизмы [1].

Во времена царствования Екатерины Великой начинается увлечение французским языком, что в значительной мере сформировало русскую аристократическую культуру XIX века. Галлицизмы в русском языке кон-

центрируются в лексико-семантических полях «Мода», «Искусство», «Театр» и, конечно же, «Еда» [2]. Изящная музыка пушкинской речи во многом обязана французским заимствованиям в русском языке.

Военно-политическое противостояние с британо-американским блоком, к счастью, так и не разразилось «горячей» войной. Однако почти полвека войны «холодной» оказалось достаточно, чтобы русский язык впитал в себя сотни англицизмов – почти вся терминология в области экономики и финансов, управления (менеджмента), информатики заимствована из «американского английского».

На фоне подобной толерантности русского языка странно выглядит немногочисленность заимствований из языков «соседей с Востока». Слова, пришедшие к нам из японского, относительно редки и однозначно опознаются как иностранные. «Суши», «самурай», «сяо», «каратэ» – все это слова уже привычные и понятные, но все-таки нерусские, чужие.

Из китайского языка, несмотря на давние и постоянные контакты, не заимствовано почти ничего. Прижилось слово «женьшень», практически своим стали слова «чай», «жемчуг» и «кетчуп» (первоначально так назывался рыбный соус в кантонской кухне). Остальные, вроде «кунфу», «тайфун», «фэншуй» продолжают восприниматься как сугубая экзотика.

Что же мешает воспринимать слова (а значит, и понятия, и образы) китайского, японского и прочих восточно-азиатских культур – даже такому всеядному языку, как русский?

Экономические успехи Китая в последние десятилетия однозначно выдвинули его на роль лидера и представителя совокупной культуры региона. Тихоокеанская Юго-Восточная Азия теперь воспринимается как область «конфуцианской цивилизации» [3]. Официальная идеология Китая также все более явно выдвигает лозунги поворота к традиционной конфуцианской морали [4]. Сопоставляя базовые постулаты западной идеологии с мыслями «Учителя Куна», мы попробуем понять наиболее глубокие различия между современным Востоком и Западом.

Прошлое или будущее?

Среди конфуцианских принципов особое место занимает принцип «сяо» – 孝 (xiào) – почитание родителей, усердное служение родителям, усердное исполнение воли предков, усердное исполнение сыновнего (дочернего) долга, траур, траурная одежда. Сразу отметим, что тут речь не просто о моральном долге заботы о пожилых родителях. Принцип сяо лежит в основе культа предков, присущего китайской культуре с самого ее возникновения. Представление о том, что старшее, предыдущее поколение важнее и ценнее, чем новое, молодое – этот постулат пропитывает все стороны культуры и даже экономики конфуцианского типа.

Принцип сяо сформулирован в одной из книг классического конфуцианского канона, в книге «Сяо Цзин». Однако более популярное изложение принципа – в виде серии притч – содержится в книге Го Цзюй-цзиня «24 примера сыновней почитательности» (XIII век, династия

Юань). В этих историях фигурируют разные люди – от императоров до нищих бедняков, что подчеркивает фундаментальный, обязательный для всех без исключения характер принципа сяо. Вот несколько примеров:

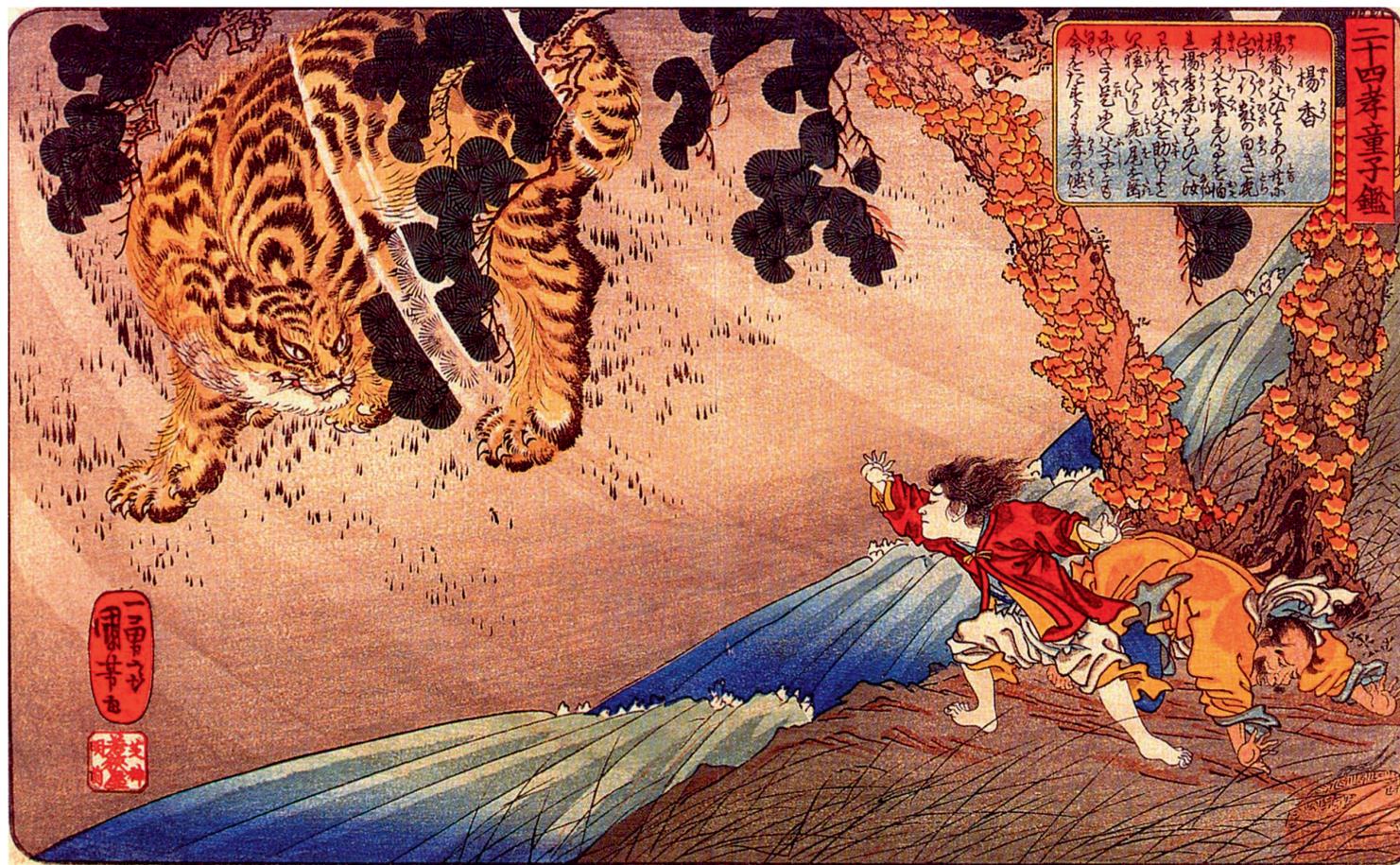
«Позволить комарам насыщаться кровью»

У Мэн жил в Пуяне (местности на территории современной провинции Хэнань) при династии Цзинь (265–420). Он стал охотно и умело служить родителям уже в 8 лет. Семья была бедной, москитной сетки не было, и комары так кусали отца, что он не мог спать. Поэтому летними ночами У Мэн сидел голым возле постели отца, терпел укусы комаров и не прогонял их, боясь, как бы они не покусали отца».

В этой истории сыновняя почитательность остается без награды, она ценна сама по себе. В других историях награда посылается высшими силами. Пожалуй, наиболее экзотично выглядят истории, в которых награда заключается в получении высокой чиновничьей должности:

A Pack of Questions

On the problem of intercivilisational relations between East and West

^ Японская ксилография по мотивам притчи «Йоко защищает своего отца от тигра». Четырнадцатилетний Йоко увидел, что тигр напал на его отца. Мальчик преисполнился такого отцелюбия, что бросился на тигра с голыми руками и чуть не задушил зверя

^ Запретный город Гугун в Пекине. Предельная упорядоченность и концентрическая структура совпадают с признаками Идеального города Платона

^ Современная японская роспись по фарфору по мотивам притчи «Позволить комарам насыщаться кровью» из книги «24 примера сыновней почтительности»

«Плакать в зарослях бамбука, чтобы бамбук дал побеги»

Жил-был в эпоху Троецарствия в Цзянься Ся некий Мэн Цзун. Будучи юношей, он потерял отца, а мать его тогда уже была на склоне лет и сильно болела. Врач прописал ей суп из свежих побегов молодого бамбука. Но стояли суровые морозы, и негде было взять свежих побегов бамбука. Мэн Цзун, не зная, что делать, побежал в бамбуковую рощу, взялся за стебли бамбука и заплакал. Неожиданно он услышал внизу, прямо под ногами, треск и заметил, что из-под земли показались нежные молодые побеги бамбука. Обрадовавшись, Мэн Цзун набрал бамбуковых побегов, сварил суп, после чего мать и в самом деле выздоровела. А позже он в своем карьерном росте дошел до должности сы куна [5].»

Долг перед предками носит запредельный и мистический характер. Следует почитать и ухаживать не только за живыми родителями, но даже и за мертвыми:

«Услышав гром, плача, бежит успокаивать мать, давно лежащую в могиле»

В эпоху Вэй–Цзинь (220–420) в Инлин (ныне юго-восток уезда Чанлэ провинции Шаньдун) жил некий Ван Поу, эрудированный и даровитый человек. Отец его, Ван И, был убит человеком по имени Сыма Чжао [6]. Ван Поу учительствовал, сторонясь общественных дел. За всю жизнь он ни разу не сел лицом на запад [7]. Его мать при жизни очень боялась грома. Похоронена она была в горах, в лесу. Каждый раз в ветреную и дождливую погоду с грозой он бежал в лес, к могиле и, кланяясь в ноги, утешал мать: «Не надо бояться, Ваш сын здесь». Когда он читал во время уроков песню из «Шицзин» [«Скорбь по умершим родителям» – А. М.], слезы ручьем бежали по его лицу, так скупал он по родителям» [8].»

Принцип сяо активно пропагандируется в современной Китае. Недавно переизданная книга «24 примера сыновней почтительности» дополнена советами вроде «Научите родителей пользоваться ай-фоном», «Пригласите родителей в караоке» и так далее. Не правда ли, на наш западный взгляд эти истории кажутся довольно-таки нелепыми и не вызывают того эмоционального отклика, на который явно рассчитаны?

Для сравнения можно вспомнить притчу, которой приписывается то персидское, то дагестанское происхождение

(во всяком случае, не дальневосточное): некий юноша полюбил жестокую красавицу, а та потребовала принести ей сердце матери этого юноши. Держа в руках окровавленное сердце, он торопился к своей возлюбленной и споткнулся на дороге. И тут сердце матери спросило его: «Ты не ушибся, сынок?».

Готовность жертвовать собой ради последующих поколений так же глубоко укоренена в культуре Запада, как противоположный принцип сяо – в культурах конфуцианского Востока. И даже экономика Запада ориентирована в основном на операции с будущим – кредитование и инвестирование, тогда как экономические успехи Японии, Кореи и Китая опираются на активную работу с прошлым, на накопление и ренту.

Равенство или неравенство?

Продолжая рассматривать базовые принципы конфуцианства, мы встречаем понятие «благородного мужа» (君子 (jūnzǐ) – Цзюнь-цзы, благородный муж, совершенный человек, человек высших моральных качеств, мудрый и абсолютно добродетельный человек, не делающий ошибок). Ему комплементарно понятие «маленького человека» (小人 (xiǎorén) – Сяожэнь, низкий человек, подлый люд, антипод Цзюнь-цзы, простой народ, малодушный, неблагородный человек. Позднее стало использоваться в качестве уничижительного синонима местоимения «я» при обращении к старшим – властям или родителям).

Благородный муж – это человек, предназначенный править. Он наделен способностью чувствовать истинный смысл и ход исторических процессов Дао-Дэ (道 (dào) – Дао, Дао-путь, Путь, истина, способ, метод, правило, обычай, мораль, нравственность; 德 (dé) – Дэ, благая сила, мана (по Е. А. Торчинову [9]), моральная справедливость, гуманность, честность, сила души, достоинство, милость, благодеяние).

Только благородный муж может привести общество к подлинному процветанию (大同 (dàtóng) – Датун, Великое Единение, согласованность, полная гармония, полное тождество). Если во главе общества окажутся маленькие люди, они тоже могут добиться относительного благополучия, но это будет лишь некий суррогат, лишенный величия и развития (小康 (xiǎokāng) – Сяокан, неболь-

< Портрет Кун-цзы (1770 год). Учитель Кун сам никогда не называл себя благородным мужем, но его потомки, без сомнения, почитают его как истинного цзюнь-цзы

> Покуда философы и культурологи пытаются осознать сложности проявления принципа «сяо», практики в области рекламы уже вовсю используют его для привлечения китайских туристов. Вот такую серию открыток выпустило иркутское издательство (дизайн открыток Павел Скоробогатов). Имитация старины привлекательна благодаря почтению, которое китайцы испытывают к прошлому. Особенно современные китайские горожане, старые дома которых брошены в деревнях или снесены при застройке новых жилых районов.

шой (средний) достаток, состояние общества, в котором изначальное Дао утрачено, среднезажиточное общество).

При этом понятие «сяожень» вовсе не несет того презрительного оттенка, который получается при переводе. Быть маленьким человеком не стыдно и не позорно. У сяожней, как и у цзюнь-цзы, свои радости и гордости и свое предназначение в обществе. Добровольное и мирное сотрудничество людей «маленьких» и «благородных» служит основой для достижения Хэ (和 (hé) – Хэ, гармония, мир, согласие, мирный, спокойный, безмятежный, соответствующий, подходящий, умеренный, гармонизировать с окружающим, вторить, подпевать, умиротворять, итог, сумма. По Л. С. Переломову: «достижение единства через разнообразие мнений» [10]).

Демократия и эгалитаризм, которыми так гордятся западные культуры, глубоко чужды и непонятны людям Востока. Может быть, каждую кухарку и можно научить управлять государством (согласно расхожей цитате из Ленина), но такое управление будет лишено перспектив и дальновидности, ведь государство – не кухня.

Вместо демократии конфуцианство предлагает меритократию – не власть народа, но власть достойных. Согласно меритократии, руководящие посты должны занимать не самые богатые и не самые популярные, но самые способные и талантливые (наиболее близкие к образу Цзюнь-цзы). Здесь у Конфуция прослеживается явная перекличка с идеями Платона и его образами «государя-философа».

Опыты Платона по насаждению меритократии при дворе сицилийских тиранов Дионисия I и Дионисия II окончились полным провалом [11]. Точно так же Конфуций, срок лет странствуя по уделам разваливающейся империи Чжоу, так и не смог воплотить на практике свои идеи. Но в новейшее время судьба этих учений расходится.

В отличие от идей Платона, конфуцианская концепция деления общества на «благородных» и «маленьких» людей, живущих при этом в семейном мире и равновесии, нашла реальное воплощение в конце XX века. Стремительный экономический подъем Южной Кореи и Сингапура (под управлением военных диктаторов) заставил усомниться в преимуществах демократии западного образца, а последующий подъем экономики Китая

добавил сомнений. Государство, в котором и «маленькие», и «благородные» люди готовы поступаться своими личными интересами ради общего процветания, оказалось весьма конкурентоспособным. Как выразился лидер Сингапура Ли Куан Ю, азиаты «почти не сомневаются в том, что общество, где интересы общества преобладают над интересами индивидуалистическими, устраивает их значительно больше, нежели американский индивидуализм» [12].

Искусство или ремесло?

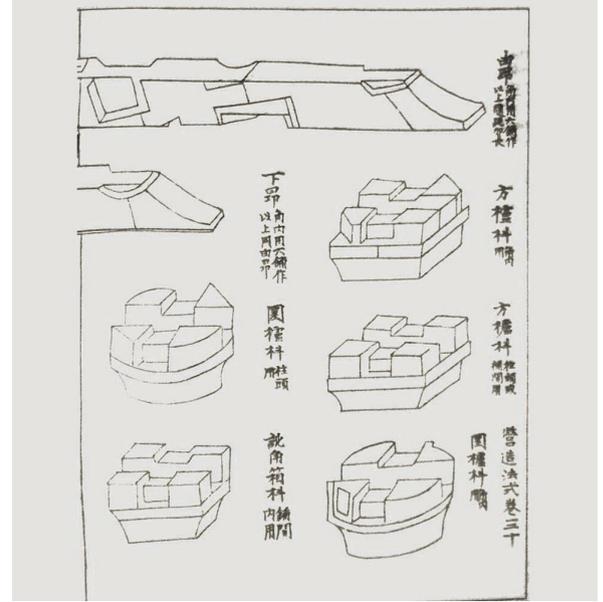
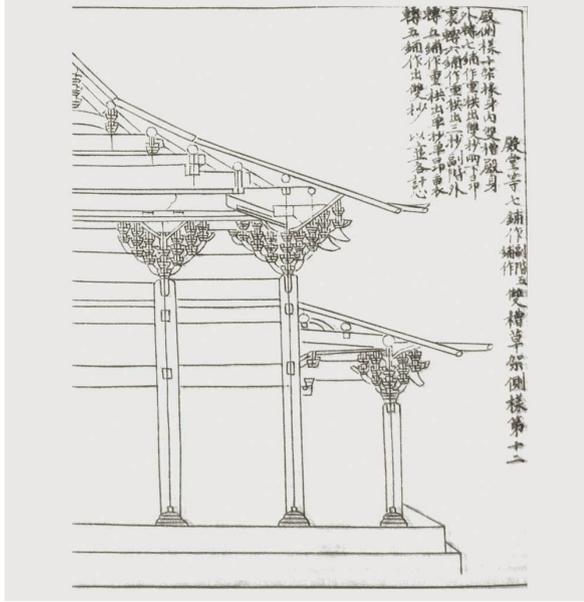
Архитектура, как и подобает самой синтетической из дисциплин, впитывает и отражает идеологические, философские основы мировоззренческих систем. Пожалуй, нигде сходство и различие Запада и Востока не видны так явно, как в архитектурно-градостроительных принципах.

Схожесть идей Платона и Конфуция об устройстве меритократического государства выразилась также и в сходстве образов идеального города. Концентрическая структура платоновского «города философов» совместилась с идеями Гипподама о стандартизации строительного производства и с идеями Гиппократов о здоровом городе (сегодня сказали бы «экологичности»). Но этот сплав гениальных прозрений так и остался чистой теорией на долгие десятки веков. Лишь сегодня практика градостроительства приближается к полному использованию античной идеологии. Китайская мысль развивалась почти в те же сроки, но другими путями.

Канонический трактат «Као гун цзи» (考工記, «Записки о ремеслах») ориентировочно относится к V веку до н.э. (т.е., является современником платоновского «Государства»). Ранняя династия Чжоу в этот период была занята созданием регулярной администрации, и трактат предназначен не архитекторам, а чиновникам, контролирующим качество строительства и всех прочих ремесленных производств.

Устройство города, согласно трактату, следует начинать с тщательной планировки и выравнивания площадки. Для этого в землю вбиваются колья квадратного сечения, их расположение выверяется по странам света, розе ветров и течению воды. Вертикальность опорных колышков контролируется отвесами. Горизонтальная плоскость

- > Иллюстрация из трактата Инцзао фаши. Деревянный стоечно-балочный каркас и консоли строго регламентированного размера составляют основу китайского домостроения на протяжении тысячелетий
- > Регламентируется не только общий размер, но и способ изготовления каждой детали

под застройку выравнивается при помощи своеобразного корыта-ватерпаса длиной два-три метра, в которое наливается вода вровень с краями. Надо заметить, что подобная технология реально применялась. Например, территория западноханьской Чаньани выровнена так, что от северо-западного до юго-восточного края городища перепад высот составляет не более 10 см [13].

План города представляет собой квадрат со стороной 9 ли (около 4 км) с тремя воротами в каждой из стен. Стены возводились так: выкапывались канавы шириной 30-35 метров, в которые попеременно укладывались слои камня и глинистой почвы. Каждый слой трамбовался деревянными бабами. Выше уровня земли стены возводились тем же способом внутри скользящей опалубки из досок. Затем полученную стену (высотой 8-9 метров) обкладывали камнем на бетонном связующем. Постройка получалась практически вечной, неуязвимой для стенобитных машин и камней.

Столь же подробно и тщательно регламентированы расположение и высота городских башен, прямоугольная сетка улиц, дорог и сточных канав. В центре города располагается дворец князя (вана), вокруг него concentрическими квадратами – служебные и общественные строения и жилые кварталы.

В 1103 году императорский зодчий Ли Цзе издал трактат «Инцзао фаши», в котором подробно изложена модульная система проектирования зданий «цай фень». Трактат содержит правила и методы возведения построек, основанные на модульной системе, предусматривающие стандартизацию и сборность как архитектурно-конструктивных элементов, так и целых зданий на основе типовых секций.

За основную начальную (минимальную) линейную модульную единицу в китайской архитектуре с этих пор принята ширина продолговатых брусков «гун», называемая «доу коу» (斗口, Dǒu kǒu). Бруски могли изготавливаться в восьми стандартных размерах, а изготовление нестандартных брусков каралось по закону. Размеры всех категорий зданий, в зависимости от их назначения, регламентировались с помощью особого модуля площади «цзянь» (间, jiān), которые определялись как четыре опоры (колонны), связанные поперек поперечными балками, т.е. они напрямую были связаны с гун. Увеличение пло-

щади помещения достигалось путем сложения модулей «цзянь» в продольном и поперечном направлениях [14].

Общее представление об уровне упорядоченности традиционного китайского строительства дает план Запретного города Гугун в Пекине. Хотя этот комплекс начал строиться еще на триста лет позже (в начале XIV века), основные принципы его планировки остаются все теми же.

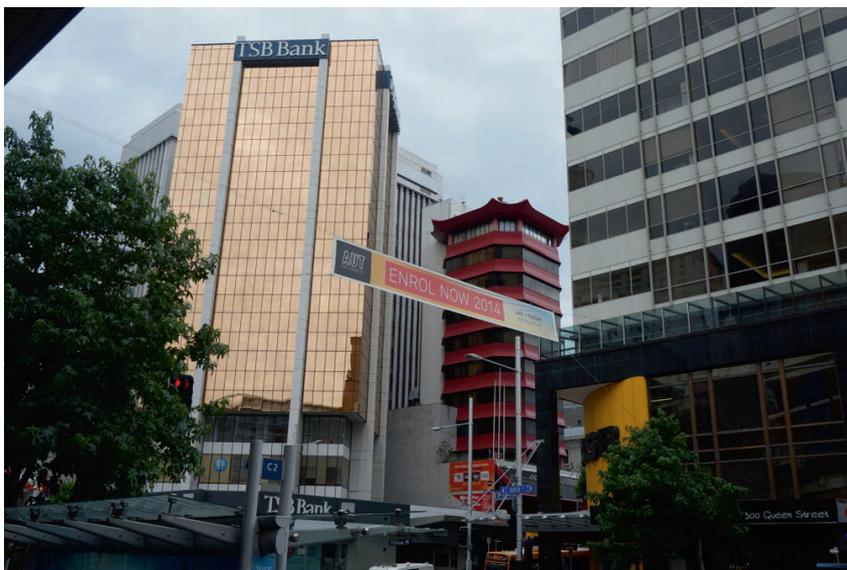
Заметим, что оба канонических трактата презентовались как сборники традиционных методик, освященных авторитетом предков. Хотя нам известны имена авторов этих книг, но их заслуга не в разработке, а лишь в систематизации и тиражировании архитектурно-градостроительных правил. Эти правила необходимо применять не потому, что они придуманы гениальными мудрецами и художниками (как античные ордерные системы) и не потому, что они логичны и разумны (как, например, модуль Ле Корбюзье), и даже не потому, что этого требует закон (как современные СНиПы). Правилам следовали предки – и этого достаточно, чтобы продолжать им следовать и сегодня.

Учиться или учить?

В 1954 году в Кембридже вышел монументальный пятнадцатитомный коллективный труд «Наука и цивилизация Китая» под общей редакцией биохимика, историка и синолога Джозефа Нидхэма [15]. В книге сформулирована историческая загадка, получившая название «парадокс Нидхэма». Она заключается в следующем: с начала нашей эры, а особенно с VII века н.э. Китай опережающими темпами развивается в технологическом, социальном и культурном отношении. Тысячу лет, вплоть до XVII века Китай однозначно лидирует среди всех стран и регионов мира. Больше половины научно-технических, организационных, социальных достижений этого длинного периода рождается в Цветущей Середине мира [16]. Но именно в тот исторический момент, когда в Европе начинается промышленная буржуазная революция, Китай как будто засыпает и останавливается в своем развитии на долгих триста лет.

Почему промышленная революция не произошла в Китае? На этот вопрос пытались ответить Дидро и

> Окленд, Новая Зеландия

Вольтер, Юм и Мальтус, и даже Альберт Эйнштейн. Их объяснения выглядели отчасти правдоподобными и с воодушевлением воспринимались западным миром в качестве обоснования колонизаторских экспансий. Уже в XX веке реформы Дэн Сяопина изображались как победа американского консюмеризма, этой, по выражению Герберта Уэллса, «религии Бога-доллара». Но новый подъем Китая в начале XXI века, экономический и идеологический, снова все спутал. Попытка Запада снисходительно позволить Востоку поучиться «правильной жизни» в качестве трудовых иммигрантов (под названием «политика мультикультурализма»), очевидно, принесла больше проблем, чем решений.

Сегодня конфуцианская культура Тихоокеанской Азии привлекает глобальное внимание. Быстро растет трудовая миграция в Китай; особенно охотно туда едут образованные специалисты. Китайские университеты уверенно входят в глобальные рейтинги «Топ-500» и даже «Топ-100» [17]. Деловые контакты с Китаем притягательны для любого бизнеса по всему миру. Как выразился один мой знакомый европеец, «все хотят быть поближе к Китаю».

Смогут ли российские архитекторы найти общий язык с китайскими строителями и девелоперами? Сможем ли мы переломить вековое высокомерие и принять конфуцианские идеологемы опоры на традицию, безусловного почтения предков, запредельного (с нашей точки зрения) коллективизма, исходного неравенства людей? Возможен ли вообще какой-либо компромисс между культурами, настолько различными в самых своих базовых установках?

С другой стороны, сама глубина и принципиальность различий между Востоком и Западом подает надежду на конструктивное развитие. Суметь бы только найти такой взаимодополняющий режим сотрудничества, чтобы особенности каждой цивилизации уравновешивали друг друга, чтобы учить и учиться недостающему – на равных.

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Ред., предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. второе, стереотипное. М. : Прогресс, 1986. Тт. I–IV.

< Китайский район в Калгари, Канада. Вкрапления китайской архитектуры в западном городе выглядят чужеродно и экзотично. Похоже на то, что реальный синтез цивилизаций Востока и Запада еще и не начинался. Фото Леонида Глебо

2. Куренкова Т. Н., Стрекалева Т. В. Галлицизмы в русском языке с точки зрения полевого подхода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2010. – Вып. 1(8). – С. 144–149

3. Селищев А. С., Селищев Н. А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб. : Питер, 2004. – 240 с.

4. Confucius says, Xi does. The Communist Party turns to ancient philosophy for support. The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does>

5. Сы кун – советник начальника приказа общественных работ

6. Сыма Чжао был отцом основателя династии Цзинь – Сыма Яня (III в.). Это имя – Сыма Чжао – стало нарицательным. Теперь оно означает «честолюбец» и «предатель»

7. Это означало, что он не признает власть династии Цзинь
8. Мышинский А. Л. Эршисы сяо : «Двадцать четыре образца охотного и умелого служения старшим» / А. Л. Мышинский, Чжу Юйфу // Уральское востоковедение : Международный альманах. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 233–241
9. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада : познание запредельного. – СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. – 480 с.
10. Переломов Л. С. Слово Конфуция. – М. : Фабула, 1992. – 192 с.
11. Лидин К. Л. Элиты и паразиты // Проект Байкал / Project Baikal, 2016. – №47–48. – С. 68–75
12. Lee Kuan Yew's Interview in International Herald Tribune, 9–10 November 1991. Чит. по : Герасимов В. С. Политическая меритократия – восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке // Вестник МГИМО–Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 230–237
13. Дмитриев С. В. Древнекитайская градостроительная теория по данным Као гун цзи и сведениям археологических источников // В пути за Китайскую стену : К 60-летию А. И. Кобзева. – М. : Институт востоковедения РАН. – 2014. – С. 252–267
14. Литвиненко Н. С., Лучкова В. И. Система модулей и пропорций в трактате «Инцзао фаши» и ее влияние на архитектуру Китая времен династии Сун. / Новые идеи нового века–2013 : материалы Тринадцатой международной научной конференции ФАД ТОГУ = The New Ideas of New Century 2013 : The Thirteen International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU : в 3 т. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – Т. 1. – С. 161–170
15. Needham Joseph. Science and Civilisation in China. 7 volumes; started in 1954. – Cambridge : Cambridge University Press
16. Хуая Чжунго (华夏中国) – «пышно цветущая земля в середине» – поэтическое самоназвание Китая
17. Лидин К. Л. Рейтинги университетов–2 : Поиски парадигмы высшего образования на фоне глобального кризиса и балканизации // Проект Байкал / Project Baikal, 2015. – №44. – С. 104–107

References

Confucius says, Xi does. The Communist Party turns to ancient philosophy for support. (2015, Jul. 25). Retrieved from: <https://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does>

Dmitriyev, S.V. (2014). Drevnekitayskaya gradostroitelnaya teoriya po dannym Kao gun tsi i svedeniyam arkhologicheskikh istochnikov

[Ancient Chinese town planning theory according to Kao Gongji data and information from archaeological sources]. In: V puti za Kitayskuyu stenu. K 60-tiletiyu A.I. Kobzeva. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 252–267

Fasmer, M. (1986). Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress

Gerashimov, V.S. (2015). Politicheskaya meritokratiya – vostochnaya al'ternativa zapadnym traditsiyam upravleniya obshchestvom v XXI veke [Political meritocracy is an eastern alternative to Western traditions of society management in the 21st century]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2 (41), 230–237

Jordan, D.K. (1972). Gods, Ghosts, and Ancestors: The Folk Religion of a Taiwanese Village. Berkeley, CA: University of California Press

Kurenkova, T.N. & Strekaleva T.V. (2010). Gallitsizmy v russkom yazyke s tochki zreniya polevogo podkhoda [Galicisms in Russian from the point of view of the field approach]. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva, 1(8), 144–149

Lidin, K. (2015). Ratings of Universities 2: Search for a paradigm of higher education against the background of the global crisis and balkanization. project baikal, 12(44), 104–107. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.44.839>

Lidin, K. (2016). Elites and Parasites. project baikal, 13(47–48), 68–75. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.47-48.1003>

Litvinenko, N. S., & Luchkova, V. I. (2013). Sistema moduley i proporsitsy v traktate «Intsao fashi» i yeye vliyanie na arkhitekturu Kitaya vremen dinastii Sun [The system of modules and proportions in the treatise "Intsao Fashi" and its impact on the architecture of China in the times of the Song dynasty]. In: The New Ideas of New Century 2013 : The Thirteen International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU. Khabarovsk: Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universitetata. Vol. 1, 161–170

Needham, Joseph (1954). Science and Civilisation in China. Cambridge: Cambridge University Press

Perelomov, L.S. (1992). Slovo Konfutsiya [The Word of Confucius]. Moscow: Fabula

Selishchev, A. S., Selishchev N. A. (2004). Kitayskaya ekonomika v XXI veke [Chinese economy in the XXI century]. St. Petersburg: Piter

Torchinov, Ye. A. (2005). Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznaniye zapredelnogo [Ways of the philosophy of the East and West: knowledge of the beyond]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoye Vostokovedeniye